

ЗЛО И ДОБРО глазами Достоевского

«Либо Господь хочет искоренить зло, но не может этого сделать. Либо Он может это сделать, но не хочет, либо же Он и не может, и не хочет этого. Если Он хочет, но не может, – значит, Он бессилен, а это противоречит Его природе. Если Он может, но не хочет, то Он зол, что тоже противоречит Его природе. Если же Он и не хочет, и не может, – Он одновременно зол и слаб, и, таким образом, не может быть Богом. Но если Он это хочет и может, – что единственно соответствует тому, чем Он является, – то откуда берется зло и почему Он его не искоренит?»

(Лактанций^[1])

ПРОБЛЕМА ТЕОДИЦЕИ ИЗДАВНА ВОЛНОВАЛА УМЫ и сердца людей. Для религии Ветхого завета проблемы теодицеи как таковой не существовало. Все то, что делает Господь, справедливо. Бог не зол, он лишь справедлив, поэтому и изгоняет людей из Эдема, посылает потоп, уничтожает Содом и Гоморру – все это является реакцией на грехи человека, карой за его вину. В таком смысле зло имеет чисто рефлективный характер, то есть никакого другого зла, за исключением морального, в мире не существует. Злым является только сам грех и кара за него, поскольку она имеет дело с грехом и представляется как его следствие. Сама кара, конечно же, исходит от Бога, поэтому имеет священный характер. Отношение религии Ветхого завета к проблеме теодицеи концентрированно выражено в известной фразе из книги Иова: неужели добро мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?

В христианстве ситуация несколько меняется. Если Бог — абсолютное добро, то как возможно соседство добра и зла повсюду, а чаще — господство зла? Здесь выступает на первый план морально-философская составляющая проблемы теодицеи: природа добра и абсолютность моральных норм и ценностей. Практически, для верующего человека эта проблема может быть выражена в форме вопрошания: если главные добродетели — любовь и милосердие, если Христос пришел спасти людей, если Бог печется о своих чадах, то почему вообще он попустил существование зла? Разве не мог всемогущий Бог создать мир без зла? А если мог, то почему не создал?

Иначе говоря, вместо того, чтобы каяться в своих собственных грехах, чтобы трепетать перед Страшным Судом, человек спрашивает: «А судьи кто»? Судебный процесс заходит в тупик, присяжные растеряны, авторитет суда поставлен под сомнение, ведь не может же судить тот, кто сам не безгрешен. И вот уже присяжные слушают оправдания не обвиняемого, а самого судьи.

Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов не видели здесь особенных трудностей^[2]. Богословие времен тринитарных споров предложило классическое решение теодицеи: зло в мир вошло в момент грехопадения, но зло не является чем-то субстанциональным, оно есть недостаток добра.

С.Н.Булгаков замечает, что еще до Каппадокийцев такому направлению следуют уже во II веке Климент Александрийский и Ориген^[3]. Климент Александрийский писал: «Конечно, грех лежит в энергии, а не, в сущности, и поэтому не есть дело Бога»^[4]. Ориген уточняет: «Всякое зло есть ничто, хотя бывает и не-сущее; благой тождествен сущему, противоположно же благу злое или дурное, как противоположно сущему не-сущее, откуда следует, что дурное и злое есть не-сущее»^[5].

У Дионисия Ареопагита намечается следующий шаг в понимании этой проблемы: «Разве не становится часто гибель одного рождением для другого? Зло соучаствует в восполнении всего и доставляет собою целому способность не быть незавершенным»^[6]. Зло начинает истолковываться как относительное, как другая сторона добра. Зло, таким образом, существует для того, чтобы отличать добро и благодаря этой функции оказывается также включенным в поставляющий процесс Добра: «Ведь если зла нет, то добродетель и порок — одно и то же и в целом, по отношению к другому целому, и в сопоставимых частностях, и уже не будет злом то, что борется с Добром»^[7].

В принципе, дальнейшая разработка проблемы теодицеи не была оригинальной. Ансельм Кентерберийский развивает идеи Августина: существуют бесконечные степени совершенства мира, и злом является самая низшая степень блага. Лейбниц, фактически,

^[1] <http://www.kiev-orthodox.org/site/theology/417>.

^[2] <http://ae.rozamira.org/patristics.htm>

^[3] Булгаков С.Н.. Свет невечерний. — М., 1994. — С. 229.

^[4] Климент Александрийский, Stromat. IV, 13. Цит. по: С.Н. Булгаков. Свет невечерний. — М., 1994. — С. 229.

^[5] Там же.

^[6] <http://www.hesychasm.ru/library/dar/tname.htm>

^[7] Климент Александрийский, Stromat. IV, 13. Цит. по: С.Н. Булгаков. Свет невечерний. — М., 1994. — С. 229.

смягчил проблему зла, так как мы не обладаем полным, божественным знанием всех процессов в мире. Зло, таким образом, обязательно приводит, в конечном счете, к добру – пути Господни неисповедимы.

Для русской философии, актуализировавшей проблему теодицеи в начале XX в., важно отметить, что она во многом унаследовала позицию восточно-христианской традиции. Проблема теодицеи не представлялась российской религиозно ориентированной мысли как отдельная, локальная проблема, а встраивалась в контекст всего онтологического и этического дискурса. У Достоевского задача богоопрядания приобретает чрезвычайное символическое значение. Особенность постановки проблемы теодицеи в русской философии состоит в акцентировании нравственной составляющей, в выявлении конституирующей роли богоопрядания, в которой заключена возможность нравственности и этики вообще. Необходимость выработки новой духовной парадигмы для России требовала концептуального прояснения самого феномена духовности, характеризующегося абстрактностью в обыденном сознании и отсутствием общепринятого определения на теоретико-философском уровне. Таким образом, исследования проблемы теодицеи XIX–XX вв. обусловлены ее социокультурной значимостью.

Примат нравственности в осмыслении проблемы зла и феномена духовности в значительной мере определялся тем, что, фактически, под

^[81] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. – М.: Адепт, 2000. Дневник писателя, 1877 год.//электрон. диск (CD-ROM) – (Электронная книга: «Достоевский Федор Михайлович». Полное собрание сочинений).

духовным возрождением России подразумевалось нравственное возрождение как возможный фундамент социально-политической стабильности. Однако обращение к нравственной проблематике уже подразумевало определенный ценностный аспект. Идеи и взгляды Ф.М. Достоевского оказали огромное влияние как на осмысление проблемы теодицеи в социально-философском аспекте, представителями которой стали С. Франк и Е. Трубецкой, так и на философию христианского персонализма, наиболее яркими представителями которого в XX веке стали Н.А. Бердяев и Н.О. Лосский.

Ф.М. Достоевский стал первым, для кого проблема человека как духовной личности стала главной темой. Человек в его творчестве представлен как микрокосм, и тайна мира заключена именно в нем. Оказав влияние на идеи христианских персоналистов, взгляды Ф.М. Достоевского распространяются также и на тех, кого интересовала идея философского всеединства, с вытекающей проблематикой всеобщего спасения, ставшей одной из основных идей не только для Ф.М. Достоевского, но и для всей русской религиозно-философской мысли XX столетия.

Проблема добра и зла у Достоевского

- *«Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человеке глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой...»*
(Лев Шестов)^[81].

Переломным моментом в жизни и творчестве писателя была каторга, где, познакомившись вплотную с природой человека, Ф.М. Достоевский начинает новый этап своего творчества. Говоря о этом переломе, можно сослаться на Льва Шестова и сказать, что именно время написания «Записок из подполья» было таким периодом, а сами записки стали публичным (хотя и не открытым) отречением от своего прошлого^[9]. Однако, стоит ли искать какие-либо переломные моменты, или отправные точки, чтобы, познакомившись с творчеством Ф.М. Достоевского не согласиться с Н. О. Лосским в том, что искание социальной справедливости осталось до конца жизни Достоевского существенным содержанием его интересов^[10]. К сказанному следует лишь добавить, что по мере становления его как личности и литератора, Ф.М. Достоевский обострял эту проблему; поскольку, начиная как мастер физиологического очерка, он постепенно идет дальше своих учителей (А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинского, А.Н. Некрасова) и не просто вкладывает необычную философскую глубину в уста своих героев, но и наделяет их слова таким же авторитетом, как и слова самого автора. Его герои начинают жить самостоятельной жизнью, а, оживив их, автор теперь может стать своеобразным зеркалом, отражающим настроения, веяния, идеи, царящие в обществе; так и глашатаем диалектики добра и зла в природе человека. Смещение идей социальной гармонии и антропологии не беспричинны, поскольку, во-первых, подход ко второй определяет состояние

первой, а во-вторых, — именно этими идеями были пропитаны умы интеллигенции и прогрессивно мыслящей молодежи. Два западных веяния наводнили царскую Россию, породив в ней революционно настроенные элементы:

1. Человек — самодержавный властелин над собой и над вселенской жизнью. Сам по себе, по своей природе, он добр, и благодаря интеллекту способен найти разумный путь к осуществлению абсолютного добра в своей жизни, если только предоставить ему свободу. Это — тип просветительского гуманизма.

2. Сущность человека лежит не в его разуме, а в том, что он является средоточием и вершиной космических сил, неким микрокосмом, и доброта человека — это не врожденное свойство, а результат духовного самовоспитания. Такие идеи, как «благородная человечность», «духовное самосовершенствование», «сознательное развитие» становятся доминирующими.

И вот на фоне такого кризиса духовности, на фоне поиска ответов на вечные вопросы, складывается и определяется своеобразный гуманизм Ф.М. Достоевского:

«Достоинство человека, его право на благополучие, его право на уважение основаны не на каком-либо моральном или интеллектуальном совершенстве человека, не на том, что он разумен, добр или обладает прекрасной душой, а просто на глубине онтологической значительности всякой человеческой личности»^[11].

Эта глубина выше разума и неразумия, благородства и низменности,

^[9] Шестов Л. Сочинения. — М., 1995. — С. 49.

^[10] Лосский Н.О.. Бог и мировое зло. — М.,

1994. — С. 71.

^[11] <http://www.vehi.net/frank/dost1.html>

красоты и безобразия, она — сама в себе. Ф.М. Достоевский — наблюдательный художник, прекрасный социолог и, как результат, имеет место связь его героев с реальными лицами, однако, в то же самое время он не связан прототипами. Под его пером человек преобразается и приобретает глубину, свойственную душе автора^[12]. Вхождение Ф. Достоевского в литературный мир сопряжено с выходом в свет его

ства, предательства), которые несправедливые и беспощадные условия жизни порождают в душе бедного человека. И спустя пятнадцать лет, в романе «Униженные и оскорбленные» Ф. Достоевский возвращается к идее забитости маленького человека, вот только прежде он вызывает жалость к Макару Девушкину, а спустя время — к Наташе. Однако, мотив неизменен, через его романы читатель познает, что самый забитый, после-

Достоинство человека, его право на благополучие, его право на уважение основаны не на каком-либо моральном или интеллектуальном совершенстве человека, не на том, что он разумен, добр или обладает прекрасной душой, а просто на глубине онтологической значительности всякой человеческой личности.

романа «Бедные люди», в котором писатель развил традиционную для русской литературы 40-х гг. 19 века гоголевскую тему (незаметный герой-чиновник), придав ей новый, оригинальный поворот. Ф. Достоевский понимает, что духовный мир бедного человека формируется под влиянием различных общественных обстоятельств; бедность, отсутствие образования, отупляющий труд — все это в совокупности и порождает в обществе особый социальный слой.

В «Двойнике», «Господине Прохарчине», «Селе Степанчикове и его обитателях», Ф. Достоевский продолжает изображать мир маленьких и униженных людей. Он являет те болезненные их состояния (обидчивость, мнительность) и свойственные им пороки (проституция, самоубийства, убий-

ствий человек — есть тоже человек, и называется — брат твой. Однако, возвращаясь к теме социальной среды, Ф. Достоевский вступает в конфликт с идеями своего времени — идеями крайне либеральными и пришедшими с Запада:

«Общество скверно, потому и мы скверны, но мы богаты, мы обеспечены нас миновало только случайно то, что постигло вас. Столкнись мы — сделали бы то же самое, что и вы. Кто виноват? Среда виновата. Итак, есть лишь подлое устройство среды, а преступлений нет вовсе»^[13].

Достоевский же настаивает на том, чтобы зло называть злом, при этом предлагает помыслить, что ведь и мы виноваты, и если мы искренни, то эта мысль нас очистит и сделает лучше, а сделавшись лучше, мы и среду испи-

^[12] Диво Барсотти. Достоевский. Христос — страсть жизни. — М., 1999, — С. 18.

^[13] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. — М.: Адепт, 2000. Дневник

вим и сделаем лучше. Размышляя таким образом, мы подходим к фундаментальным, глубинным идеям Ф. Достоевского — проблеме своеволия, ставшего результатом отвержения идеи Бога и приводящего к одержимости. В позднейших романах Ф. Достоевского тема: «человек — Бог» и «Бог — человек» выражена особенным образом, хотя еще в «Бедных людях» Макар Деушкин в отчаянии вопрошает:

«Отчего вы, Варенька, такая несчастная? Ангельчик мой! да чем же вы-то хуже их всех? Вы у меня добрая, прекрасная, ученая; отчего же вам такая злая судьба выпадает на долю? Отчего это так всё случается, что вот хороший-то человек в запустенье находится, а к другому кому счастье само напрашивается?... но по искренности, по правде-истине, зачем одному еще в чреве матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой из воспитательного дома на свет божий выходит? И ведь бывает же так, что счастье-то часто Иванушке-дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка-дурачок, ройся в мешках дедовских, пей, ешь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся; ты, дескать, на то и годишься, ты, братец, вот какой!»^[14].

Однако красота и глубина, ценность и актуальность произведений Ф. Достоевского заключены еще и в том, что он не оставляет своего героя наедине с проблемой. Будучи подвергнут испытанию, ведомый автором через глубины морально-нравственных падений, сомнений, бунта, отверженности, рано или поздно герой должен

быть просвещен. Не все персонажи используют этот шанс, но предоставляется он всем. Ф. Достоевский, наряду с пророческими и превентивными оттенками своего творчества, являет себя как проповедник своего времени. Он громогласно обращается к своим современникам с искренним желанием возродить в них веру.

Именно поэтому практически в каждом его произведении есть момент осмысления с переоценкой ценностей. Ф. Достоевский добр, потому что любит человека, и эту самую любовь он проповедует как основание всей нравственности. Научитесь любить человека, затем всех людей, затем целый мир; после осознайте свою вину за всё происходящее, и только тогда, когда отдельно взятый индивидум осмыслит себя в контексте целого, можно будет приблизиться к идеалу человечности. Подобную мысль Ф. Достоевский вкладывает в уста старца Зосимы, лежащего на смертном одре и дающего последние поучения инокам:

«...Когда же познает, что не только он хуже всех мирских, но и пред всеми людьми за всех и за вся виноват, за все грехи людские, мировые и единоличные, то тогда лишь цель нашего единения достигается. Ибо знайте, милые, что каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле. Сие сознание есть венец пути иноческого, да и всякого на земле человека. Ибо иноки не иные суть человеки, а лишь только такие, какими и всем на земле людям быть надлежало бы. Тогда лишь и умилилось бы сердце наше в любовь бесконечную, вселенскую, не знающую

^[14] Бідні люди. Неточка Незванова. Білі ночі. Нотатки з мертвого будинку. Романи. — К., 1994. — С. 92.

насыщения. Тогда каждый из вас будет в силах весь мир любовью приобрести и слезами своими мировые грехи омыть...»

Не вдаваясь в метафизику добра и зла, читатель слышит не только призыв к осмыслению своего влияния на происходящее, но и мощный посыл делать добро и тем самым преображать

Научитесь любить человека, затем всех людей, затем целый мир; после осознайте свою вину за всё происходящее, и только тогда, когда отдельно взятый индивидуум осмыслит себя в контексте целого, можно будет приблизиться к идеалу человечности.

мир вокруг себя. Началом всеохватывающей трансформации является обновление образа мышления, поскольку как добро, так и зло, рождаясь в разуме индивидуума, впоследствии охватывает всю его волю. Раскольников лишь задался вопросами: «Достойна ли?», «Смогу ли?», «Имею ли право?», — и это стало началом конца. Кириллов подумал, что можно одолеть Бога, одолев свой страх перед Ним, и уже не смог освободиться из плена. Рогожин помыслил убить, и, несмотря на противящуюся волю, поскольку любил, — все же убивает, и т.д. Оставаясь наедине со злой мыслью, человек провоцирует пробуждение зла, остановить которое будет уже не в его силах.

Так на фоне трагической картины жизни спившегося чиновника Мар-

меладова, описания участи его детей, жены; на фоне крайней бедности студента Раскольникова, его матери, сестры, живущей в помещичьем доме и испытывающей домогательства главы дома, читатель слышит вопросы задаваемые Раскольниковым перед убийством: «Для чего она живет?», «Полезна ли она хоть кому-нибудь?». Задав эти вопросы, Ф. Достоевский подвергает Раскольникова, по словам Бердяева, духовному эксперименту посредством вовлечения его в таинственную глубину человеческой природы, что непосредственно связано с темой свободы^[15]. Поскольку именно желание свободы приводит Раскольникова на путь преступления, свобода, переросшая в бунт против Бога, — результат своеволия. Этот же упрек мы слышим из уст Сони: «От Бога вы отошли и вас Бог порази́л, дьяволу предал»^[16]. Встав однажды на путь свободы, перед человеком возникает вопрос: «Существуют ли нравственные для меня границы, поскольку если Бога нет, то все позволено». Родион становится одержим этой идеей, и в этой одержимости он утратил свободу и стал рабом страстей. Осознав крах своего эксперимента, он признается: «Я захотел осмелиться и убил, я только осмелиться захотел, Соня, вот вся причина»^[17]. Бердяев заключает идею Раскольникова в следующую формулу:

«Может ли необыкновенный человек, призванный послужить человечеству, убить самое ничтожное и самое безобразное человеческое существо, отвратительную старушонку-процентщицу, которая ничего кроме зла не причиняет людям, для того, чтобы этим открыть себе путь в будущем к

[15] Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2-х том. — Т. 2. — М., 1994.

[16] Злочин і кара. Роман. — К., 1994. — С. 384.

[17] Там же.

облагодетельствованию человечества? Дозволено ли это^[18]?»

Совершенно очевидно, что нет, поскольку никакая идея, никакие возвышенные цели не могут оправдать преступного отношения даже к самому последнему из ближних. Именно к этому заключению приводит читателя Ф. Достоевский. Раскольников, убивая старуху, убивает себя. Его образ обозначил кризис «гуманизма», морали, гибель от самоутверждения человека в попытке забыть Бога. В этом забытьи рождается зло, дремлющее в человеке.

Ставя проблему добра и зла, Достоевский не занимается теоретизацией, он живет в определенном историческом контексте, и проблема его современников становится его проблемой. Все же исходит из одного — попытки отвергнуть христианские идеалы и строить общество на искусственной, абстрактной идее любви ко всему человечеству, которая, по сути, является ни чем иным, как гордостью, подменяющей религиозные начала и заменяющей православную идею о Богочеловеке идеей человекобога. Этой мыслью одержим Кириллов — герой романа «Бесы», считающий, что высшее осуществление свободы — избавление от Бога посредством самоубийства, поскольку совершив этот акт своеволия, ты попираешь все ценности: мораль, нравственность, страх смерти. Поправ их, и совершив идеологическое самоубийство, ты сам становишься Богом, поскольку Бог есть лишь боль страха смерти, и кто убьет себя для того только, чтобы страх убить (т. е. иллюзию о Боге), тот тот-

час Богом станет^[19]. В XIX ст. эту же идею развивает Фейербах, т.е. возникновение Бога из страха в процессе отчуждения человека от природы^[20]. Не Бог создал человека, а человек — Бога. Бог есть искусственная идея человечества. Человек выдумал Бога, — слышим мы из уст Ивана Карамазова. Однако, об этом — далее, сейчас же

Все исходит из одного — попытки отвергнуть христианские идеалы и строить общество на абстрактной идее любви ко всему человечеству, которая является ни чем иным, как гордостью, подменяющей идею о Богочеловеке идеей человекобога.

мы остановимся на личности Ставрогина. Он выступает как собирательный образ личности, оторвавшейся от Бога и людей, вследствие безмерной гордости, и это приводит к тому, что становится неспособным ни на жалость, ни на презрение. Его жизнь посвящена разврату и пороку, в ней нет любви и порождается зло; даже Шатову, который преклоняется перед ним, несмотря на нанесенную им же обиду, он холодно отвечает: «Жаль, что я не могу вас любить». Проведя ночь с Лизой, он также холоден: «Я знал, что я не люблю тебя и погубил тебя». Христианское учение о победе над собой, ведущее к победе над миром, имеет в виду преодоление страстей и любовь к Богу и ближним; в уме же гордого Ставрогина оно превращается в развитие силы духа для

[18] Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2-х том. — Том 2. — М., 1994. — С. 64.

[19] Биси: Роман в 3-х част. — К., 1994. — С. 551.

[20] Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. Пер. с нем. И.С. Андреевой. — М., 1995. — С. 205.

удовлетворения своего властолюбия и превосходства над людьми^[21]. Ставрогин осознанно порождает зло, он сеет его вокруг себя, и это — его цель, оно становится частью его природы, он проверяет себя, испытывает свои способности; и в этом эксперименте он утрачивает себя, свою личность. Подобный же эксперимент можно найти в произведении Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея», где экспериментатором-теоретиком выступает лорд Генри, а его подопытным Дориан Грей, разрыв которого с Божественным началом ввергает его в пучину неконтролируемых страстей, уничтожающих его окончательно. Однако, в каждом произведении Ф.М. Достоевского незримо присутствует герой, несущий добро и свет (если же нет такого персонажа, то есть такая ситуация). Несмотря на глубину падения или заблуждения, выход есть, и пускай он обременен выбором, однако же, — он есть. Так, Раскольников слышит тихий голос Сони Мармеладовой, предлагающий ему евангельские истины, могущие возродить в нем веру и вернуть к Богу; Ставрогин не может забыть навязчивого воспоминания — маленькая девочка, грозящая пальчиком; князь Мышкин, убежденный в торжестве добра и пытающийся доказать эту истину всей своей жизнью; во сне смешного человека ему открывается смысл, который и заключается в делах добра и любви к людям. Таким образом, читатель может со всей очевидностью увидеть в произведениях Ф. Достоевского, как свет в конце туннеля, нравственное поучение, так и гибель, — нравственное предупреждение. Порой кажущаяся, на первый

взгляд, окончательная гибель и раздвоенность героя становятся спасающими душу, а бессмысленность и бренность бытия открывают новые горизонты и красоту жизни, как видно на примере самого автора, — каторга, ставшая неким горнилом, выкристаллизовавшим самое ценное, что было в его душе.

Итак, Ф. Достоевский на примере Ставрогина показывает, как происходит разрыв человека с Богом. Осознав иллюзорность своего могущества, единственным реальным исходом из своих порочных будней он считает самоубийство. И если Кириллов застрелился, потому что не осознал своей любви к Спасителю, то Ставрогин затягивает петлю, потому что осознал свою каноническую веру в беса^[22], и такое чувство, как раскаяние ему чуждо. Таким образом, совершенно очевиден, хотя и длителен, переход Ф. Достоевского от возмущения социальной неустроенностью общества, следствием чего становится страдания людей, к глубокому исследованию внутреннего, полного противоречий мира человека, разорванного отношения с Богом и окружающими его людьми, который, по сути, и есть сеятель зла, с призывом вернуться в лоно народности, к идее Бога и Христа как идеала для подражания. Несмотря ни на какие сомнения, довериться Христу, поскольку только Он успокаивает душу человека, а это знакомо Ф. Достоевскому из собственной жизни, как и пишет он в одном из своих писем Е.Ф. Юнге:

«Вот поэтому Вы мне и родная, потому что это раздвоение в Вас точно-точно как и во мне, и всю жизнь во

^[21] Лосский Н.О. Бог и мировое зло. — М., 1994. — С. 147.

^[22] <http://www.vehi.net/dostoevsky/stepun.html>

мне было. Это — большая мука, но в то же время и большое наслаждение. ... Милая, глубокоуважаемая Катерина Федоровна, верите ли Вы во Христа и в Его обеты? Если верите (или хотите верить очень), то предайтесь Ему вполне, и муки от этой двойственности сильно смягчатся, и Вы получите исход душевный, а это главное»^[23].

После этих слов писателя мы можем подойти к кульминационному моменту, моменту осмысления и постижения Ф. Достоевским настроений, царящих в современном ему обществе, а также попытке опровержения их в своем романе «Братья Карамазовы» (а именно в книге пятой, первого тома «Pro и Contra»), поскольку именно эта часть, по мнению самого автора, является кульминационной точкой романа^[24]. Через всю жизнь Ф. Достоевский пронес эту борьбу, веры и неверия, и в его последней записной книжке мы читаем, что через горнило сомнений его осанна прошла^[25]. Желанием Достоевского в этом романе было выявить богохульство, царящее в современной ему России, выраженное не в научном или философском опровержении бытия Божия (которое к тому времени было уже заброшено), а в изо всех сил отрицающее создание Божье, мир Божий, смысл его^[26]. Убеждения, выраженные Иваном Карамазовым, стали, по мнению Ф. Достоевского, синтезом со-

временного русского анархизма, т. е. отрицанием не Бога, а смысла Его создания, поскольку само понятие социализма вышло и развилось из протеста против смысла исторической действительности и пришло к идее разрушения и анархизма^[27].

Здесь мы видим как бы компиляцию идей Ф. Достоевского, выраженных им в последних романах: «Бесы», «Подросток», «Идиот», «Преступление и наказание», с накопившимися вопросами — бессмысленность бытия, отсутствие Бога и бессмертия, бунт против Бога и Его мира, воля к метафизической свободе, нигилистическая революция, проблема зла и страданий. Эти вопросы были невыносимо тяжелы для Ивана. Понимая, что если Бога и бессмертия нет, то не остается никаких основ для добра и все позволено; эгоизм же и злодейство становятся самым разумным способом поведения, приводят Ивана, мучимого безверием, к психическому расстройству и белой горячке^[28]. Кажется бы, парадоксальное явление: недоверие к Богу, к церкви и к осуществлению абсолютного добра сочетаются у Ивана с любовью к добру, культуре, к природе^[29]. Однако это становится понятным, когда образу Ивана противопоставляются нигилистические настроения среди молодежи — по сути, презирующие человека. И легенда о «Великом Инквизиторе» становится логическим завершением

^[23] Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений. — М.: Адепт, 2000. Е.Ф. Юнге 11 апреля 1880. // электрон. диск (CD-ROM) — (Электронная книга «Достоевский Федор Михайлович». Полное собрание соч.).

^[24] Там же. К.П. Победоносцеву 19 мая 1879.

^[25] Дунаев М.М.. Православие и русская литература. Ф.М. Достоевский. — М., 2002. — С. 3.

^[26] Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений. — М.: Адепт, 2000. К.П. Победо-

носцеву 19 мая 1879. // электрон. диск (CD-ROM) — (Электронная книга «Достоевский Федор Михайлович». Полн. собрание соч.).

^[27] Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений. — М.: Адепт, 2000. Н.А. Любимову 10 мая 1879. // электрон. диск (CD-ROM) — (Электронная книга «Достоевский Федор Михайлович». Полн. собрание соч.).

^[28] Там же.

^[29] Брати Карамазови. Роман у 2-х томах. — К., 1994. — Том 1. — С. 250.

такого хода рассуждений. Ф. Достоевский показывает, что идея обеспечения людей хлебом не решает проблемы зла, поскольку мотив холоден, расчетлив и атеистичен. И не напрасно показано, что инквизитор хотел сжечь Христа: ведь идеи его были прямо противоположны идеям Христа^[30]. Философия Ивана осуждается Достоевским, но в самом его образе есть как бы надежда для мучимых сомнениями нигилистов возвратиться к отечеству, к церкви, к Богу. Образ Ивана, как философский тип, двойственен. Вот что пишет Достоевский в редакцию «Русского вестника»:

«Современный отрицатель, из самых ярых, прямо объявляет себя за то, что советует дьявол, и утверждает, что это вернее для счастья людей, чем Христос. Нашему русскому дурацкому (но страшному социализму, потому что в нем молодежь) — указание и, кажется, энергическое: хлебы, Вавилонская башня (то есть будущее царство социализма) и полное порабощение свободы совести — вот к чему приходит отчаянный отрицатель и атеист! Разница в том, что наши социалисты (а они не одна только подпольная нигилиятина, — Вы знаете это) — сознательные иезуиты и лгуны, не признающиеся, что идеал их есть идеал насилия над человеческой совестью и низведения человечества до стадного скота, а мой социалист (Иван Карамазов) — человек искренний, который прямо признается, что согласен с взглядом «Великого Инквизитора» на человечество и что Христова вера (будто бы) вознесла человека гораздо выше, чем стоит он на самом деле. Вопрос ставится у

стены: «Презираете вы человечество или уважаете, вы, будущие его спасители^[31]?»

К подобного рода богоборчеству (Раскольников, Ставрогин, Иван Карамазов) приводит гордость, но порой она руководится благородными мотивами. В Иване Карамазове Достоевский показал именно то видоизменение гордости, в котором обнаруживается высокий положительный источник этой страсти: сознание достоинства личности и абсолютной ее ценности. В физическом мире личность есть высшая ценность; жизнь, наполненная защитой и культивированием этой ценности, однако оторванная от такой же ценности других личностей, может содержать в себе проявления высокого благородства, но может иметь следствием и страшнейший вид зла — ненависть к Богу, которая ведет из области земного бытия в область сатанинского царства. Именно искажение высших начал создает наихудшие виды зла, что, по сути, и показывает Достоевский на примере героев своих романов. Зло, посеянное ими, зло, причиненное окружающим, зло, царящее в обществе, — это не результат порочной среды, а ответственность каждого индивидуума: кому служить — Богу или сатане.

Теодицея Достоевского

■ Подходя к рассмотрению теодицеи Ф.М. Достоевского, стоит признать, что, несмотря на все величие Достоевского как литератора, на его выдающуюся способность проникать в глубины сердца человека, он не

^[30] <http://www.vehi.net/bulgakov/karamaz.html>

^[31] Ф.М. Достоевский. Полное собрание соч. — М.: Адепт, 2000. Н.А. Любимову 11 июня

1879.//электрон. Диск (CD-ROM) — (Электронная книга «Достоевский Федор Михайлович». Полное собрание сочинений).

является академическим философом. О Достоевском говорят и пишут как о религиозном писателе — и правда: он — величайший из них. Н. Бердяев решительно утверждает, что он — «величайший метафизик»^[32]. Со всей очевидностью, присущей ему способностью заглянуть в глубины человеческих сердец, и мощью своего таланта Достоевский показывает тупики

страданий детей. После ужасающих описаний участи маленькой девочки, запираемой родителями на ночь в отхожее место, лицо которой они вымазывали испражнениями; ребенка, затравленного гончими генерала на глазах у матери только за то, что он имел неосторожность камнем повредить ногу гончей генерала; зловещая картина турок, веселящих младенца

Достоевский показывает тупики безрелигиозного сознания, доказывает невозможность для человека жить без веры в Бога, а тем более строить и облагораживать общество. Самый чистый человек, отвергший веру в Бога и возжелавший самому стать Богом, обречен на гибель — вот сердце и сущность произведений Ф. Достоевского.

безрелигиозного сознания, доказывает невозможность для человека жить без веры в Бога, а тем более строить и облагораживать общество. Самый чистый человек, отвергший веру в Бога и возжелавший самому стать Богом, обречен на гибель — вот сердце и сущность произведений Ф. Достоевского.

Таким образом, творчество Достоевского — это не связный и систематичный подход к вопросам философии, а сама жизнь, стихия жизни, проследживаемая, как пишет И.И. Евлампиев, вплоть до ее невидимых корней в бытии^[33]. Отсюда и проистекает тот факт, что у Достоевского отсутствует философски выработанный подход к вопросу теодицеи, который так и остался у него не решенным до конца жизни. Например, вопрос, поставленный им устами Ивана Карамазова о

для того лишь, чтобы приставить к его лицу пистолет, и когда он, улыбаясь, потянется к нему, как к игрушке, выстрелить и размножить ему голову на глазах у матери; звучит вполне закономерный вопрос:

«Понимаешь ли ты эту ахинею, друг мой и брат мой, послушник ты мой божий и смиренный, понимаешь ли ты, для чего эта ахинея так нужна и создана! Без нее, говорят, и пробыть бы не мог человек на земле, ибо не познал бы добра и зла. Для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столько стоит? Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к «боженьке»^[34].

Близкий друг Ф. Достоевского К.П. Победоносцев, прочитав эти главы романа, в тревоге спрашивал: «Что может ответить Достоевский на все эти атеистические положения?».

^[32] Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2-х томах. — Том 2. — М., 1994. — С. 144.

^[33] Евлампиев И.И. История русской мета-

физики в 19-20 в. Русская философия в поисках абсолюта. Ч.1. — СПб., 2000. — С. 93.

^[34] Брати Карамозови. Роман у 2-х томах. — К., 1994. — Том 1. — С. 263.

Достоевский же писал, что ответ готовится в шестой части романа, при этом переживая, будет ли он достаточным, будет ли он понят^[35], и опасения были не напрасны, поскольку, ответа не последовало. Также без ответа остались такие вопросы, как происхождение и смысл зла, пороки и борьба за существование в мире животных, стихийные бедствия, катастрофы и т.д.^[36]. Однако своеобразная теодицея для Ф. Достоевского, как для глубоко верующего христианина, была возможна, поскольку такие положения христианства, как Всемогущество Бога, Его благодать и всеведение, обеспечивали ей место как в его жизни, так и в творчестве.

Личность

■ «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и если будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время, я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»^[37]. Эти слова мы читаем в одном из ранних писем Ф. Достоевского к брату Михаилу. Оно написано в 18-летнем возрасте, и мысль, выраженная в нем, определила все будущее писателя, поскольку именно этому Ф. Достоевский посвятил всю свою жизнь. Начиная с изображения общих характеристик по типу Гоголя, Островского, Достоевский углубляется и делает ряд открытий о человеческой природе. Природа человека у Достоевского

полярна, антиномична, иррациональна. Он отправляет ее в страдальческое странствование по путям своевольной свободы^[38].

Таким образом, можно сказать, что именно антропология Достоевского лежит в основе его теодицеи; личность, содержащая и соприкасающаяся в своем духе с абсолютном, определяет теодицею Достоевского. Его герои сами различают в себе, в своем эмпирическом состоянии в мире, две сферы, два измерения — абсолютное и относительное. Другими словами, каждая эмпирическая личность выступает как неделимая цельность, в которой относительное и абсолютное присутствуют в каждом поступке, в каждой мысли, в каждом чувстве, в каждом ее проявлении. Человеку присущи стремления к идеалу (абсолюту), добру, красоте, свету, но в тоже самое время без эмпирического измерения человек перестал бы быть человеком, поэтому его устремления к абсолютному обречены оставаться только устремлениями^[39].

В одном из главных героев Ф. Достоевского — Иване Карамазове — эта идея выражена особенным образом. Иван не отвергает Бога, он лишь мира Его не принимает; и ответ в том, что Иван ощущает в себе частицу абсолютта, силу самостоятельно решать, каким должен быть идеальный мир. И проблема его — не в том, что он, открыв в себе эту силу, посягает на

^[35] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. — М.: Адепт, 2000. К.П. Победоносцеву 24 августа 1879.//электрон. Диск (CD-ROM) — (Электронная книга «Достоевский Федор Михайлович». Полное собрание сочинений).

^[36] Лосский Н.О. Бог и мировое зло. — М., 1994. — С. 120.

^[37] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. — М.: Адепт, 2000. М.М. Досто-

евскому 16 августа 1839.//электрон. Диск (CD-ROM) — (Электронная кн.: «Достоевский Федор Михайлович». Пол. собр. соч.).

^[38] Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2-х томах. — Том 2. — М., 1994. — С. 34.

^[39] И.И.Евлямпиев. История русской метафизики в 19-20 в. Русская философия в поисках абсолюта. Часть 1. — СПб., 2000. — С. 172.

Законодателя, а в том, что он разделяет как в себе, так и в мире абсолютное от не абсолютного. Взяв на себя слишком большую ответственность за мир и за других людей, Иван принимает крайне поверхностное решение: провести радикальную границу между совершенным и несовершенным, между абсолютным добром и абсолютным злом, между идеалом и эмпирической реальностью. Он становится не способен рассуждать, как следовало бы:

«Ну, что, — подумал я, — если б все эти милые и почтенные гости захотели, хоть на миг один, стать искренними и простодушными, — во что бы обратилась тогда вдруг эта душная зала? Ну что, если б каждый из них вдруг узнал весь секрет? Что если б каждый из них вдруг узнал, сколько заключено в нем прямоты, честности, самой искренней сердечной веселости, чистоты, великодушных чувств, добрых желаний, ума, — куда ума! — остроумия самого тонкого, самого общительного, и это в каждом, решительно в каждом из них! Да, господа, в каждом из вас всё это есть и заключено, и никто-то, никто-то из вас про это ничего не знает! Вы не верите, что вы так прекрасны? Но беда ваша в том, что вы сами не знаете, как вы прекрасны! Знаете ли, что даже каждый из вас, если б только захотел, то сейчас бы мог осчастливить всех в этой зале и всех увлечь за собой? И эта мощь есть в каждом из вас, но до того глубоко запрятанная, что давно уже стала казаться невероятной^[40]».

^[40] Достоевский Ф.М.. Полное собрание сочинений. — М.: Адепт, 2000. Дневник писателя 1876 г. //электрон. Диск (CD-ROM) — (Электронная книга «Достоевский Федор Михайлович». Полн. собр. соч.).

^[41] <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/29533.htm>

Его рассуждения прямо противоположны, поэтому эта часть романа названа Ф. Достоевским «Бунт». Иван не пытается обнаружить, увидеть хотя бы даже крупинцы идеала в земных явлениях — наоборот, он сравнивает каждое явление с идеалом и, не находя полноты абсолюта, отвергает его целиком. Великий Инквизитор становится его литературным воплощением; он всецело осознает и понимает смысл идеала, принесенного в мир Христом, но видит возможность его реализации лишь при условии (с позиции Инквизитора), что люди были бы другими, были бы сильнее. Убежденность Инквизитора в своей силе столь велика, что он не ограничивается лишь мечтами — «если бы люди были сильнее» — он идет дальше и уполномочивает себя выступить в роли посредника между абсолютным и низменной реальностью, пытаясь хоть частично приблизить эту реальность к идеалу. Но здесь он сталкивается с необходимостью порабощения людей ради их же собственного блага^[41]. Заблуждение Инквизитора (так же, как и Ивана), по словам философа И.И. Евлампиева, в том, что они не признают присутствия абсолютного и относительного в каждом человеке^[42]. Они смотрят на людей с позиции «сверху вниз», они надменны и горды, что и приводит их к осуждению.

В письме к Н.А. Любимову от 1879 Ф. Достоевский называет Инквизитора отрицателем и атеистом, а над Иваном Ф. Достоевский совершает суд: приводит его к состоянию белой горячки^[43]. Итак, человек у Достоев-

^[42] Евлампиев И.И.. История русской метафизики в 19-20 в. Русская философия в поисках абсолюта. Ч. 1. — СПб., 2000. — С. 174.

^[43] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. — М.: Адепт, 2000. Н.А. Любимову 10 августа 1880. //электрон. диск (CD-

кого двойственен: с одной стороны — интеллект и выгода, а с другой — желание, своя воля. И не окажись в этой борьбе для человека твердого морально-нравственного (метафизического) основания, он обречен на страдания, и, что еще хуже, причиняет это же страдание и окружающим. Именно наличие в индивидууме желания приводит его на путь зла. Характеризуя свободу как один из высочайших идеалов в иерархии ценностей человека, Н. Бердяев пишет:

«Свое собственное хотение, собственный, хотя и самый дикий, каприз, своя фантазия, раздраженная порой хотя бы даже до сумасшествия и есть самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории разлетаются к черту»^[44].

Все мировоззрение Ф.М. Достоевского проникнуто неким персонализмом. Подросток Ф. Достоевского отчаянно защищает свою личную свободу, выдвигая ее на первый план, заявляя, что он может быть в десятки раз больше будет служить человечеству, чем все проповедники — только чтобы этого от него никто не требовал^[45]. Таким образом, двойственность личности определяется наличием свободы в природе человека. И несмотря на то, что он тяготится под ее бременем, свобода все же является великим даром и одной из отличительных черт человека от других творений, ведя его по пути обожествления.

ROM) — (Электронная книга «Достоевский Федор Михайлович». Полное собрание сочинений)

^[44] Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2-х томах. — Том 2. —

Свобода

■ Несмотря на то, что ряд образов и героев Ф. Достоевского заимствованы из повседневной жизни (газеты, криминальные хроники, курьезы в обществе), стоит все же говорить о том, что персонажи Ф. Достоевского — это изображение не эмпирических лиц и событий, а душевных состояний и процессов. Лишь смотря поверхностно, без анализа, можно прийти к мысли о том, что все в жизни человека логично. Достоевский же в своем творчестве показывает, что душевная жизнь — это борьба противоречивых сил, сопровождаемая постоянными надрывами и расколами. В ином сильном характере идея может настолько захватить воображение, подчинив при этом душевную жизнь, что перед нами уже и не человек, а идея-человек.

Такие герои Ф. Достоевского как Рогожин, Подросток, Ставрогин, Кириллов, Иван Карамазов и другие, олицетворяют внутренние силы, которые человек может породить в своей душе и которые могут поработить человека. Одной из таких сил является свободная воля человека, которая рождает в душе борьбу добрых и злых мотивов, конфликт внутренней жизни, сталкивает противоположные интересы^[46]. Достоинство человека сопряжено с темой свободы: свободы добра и зла, свободы в добре и зле, в принятии истины и в её отвержении. По словам Н. Бердяева, тема о человеке и его судьбе для Ф. Достоевского есть, прежде всего — тема о свободе^[47]. Причем о свободе

М., 1994. — С. 34.

^[45] Достоевский Ф.М.. Подросток: Роман. — Кишинев:, 1986. — С. 50.

^[46] <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/29533.htm>

самобытной, о свободе, которая не может отождествляться с добром, истиной, совершенством. И даже сама попытка отождествления свободы с вышеперечисленным есть отрицание свободы и признание путей принуждения и насилия. Можно было бы предположить, что эта свобода направляется и корректируется разумом, но сложно утверждать, что свободная воля в данном случае стремится к тому, что является объективным благом. Возможно, что то, к чему она стремится, является субъективно хорошим, но не более того. Ф. Достоевскому принадлежит мысль о том, что только в процессе жизненного воспитания поколений разумное желание станет привычным, и человечество сможет достигнуть совершенно разумного состояния^[48].

Итак, поднимая проблему свободы, Ф.М. Достоевский показывает, что во-первых, ответственность за выбор лежит на человеке, и во-вторых, что он сам автор – сторонник этического интеллектуализма, из которого и вытекает вся диалектика свободы в его творчестве. Свобода открывает простор для демонизма в природе человека, но она также может возвысить и ангельское начало в нем.

Другими словами, в свободе присутствует как диалектика зла, так и диалектика добра. Образ смешного человека является одним из примеров такой дуальности. Безразличие к окружающей его действительности, эгоизм, закрытость, отчужденность, зам-

кнутость и желание покончить жизнь самоубийством проистекают в его жизни лишь из-за незнания того, что жизнь может быть лучше, мир может быть лучше, стоит лишь это осознать и стремиться к этому^[49].

Тема свободы у Достоевского также связана с пониманием зла и преступления, поскольку последнее необъяс-

Поднимая проблему свободы, Ф. Достоевский показывает, что ответственность за выбор лежит на человеке. Свобода открывает простор для демонизма в природе человека, но она также может возвысить и ангельское начало в нем.

нимо без свободы, и само понятие ответственности за зло исчезает без темы свободы. Никого иного, как Бога, стоит обвинить и сделать ответственным за зло на земле, если человек не свободен. Понимая это, т. е. свободу как бремя и как благо, Ф. Достоевский возлагает ее на человека. Н. Бердяев предлагает еще более радикальные мысли о Ф. Достоевском и пишет, что если человек (с позиции Достоевского) есть лишь пассивное отражение внешней социальной среды, другими словами, если он не ответственное существо, – то нет человека вовсе, – и Бога нет, – нет свободы, – нет добра и зла^[50].

^[47] Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2-х томах. – Том 2. – М., 1994. – С. 44.

^[48] Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. Пер. с нем. И.С. Андреевой. – М., 1995. – С. 101.

^[49] «Сон смешного человека» – фантастический рассказ Ф.М. Достоевского. Впервые опубликован в апрельском выпуске «Дневника писателя» 1877 года.

^[50] Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2-х томах – Том 2. – М., 1994. – С. 59.

С темой свободы, перерастающей в своеволие и бунт, связаны такие произведения Ф.М. Достоевского, как: «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот», «Подросток», «Братья Карамазовы». В них писатель испытывает человека свободой, проводит через искушение свободой. А такие персонажи, как: Раскольников, Верховенский, Ставрогин, Рогожин, Иван Карамазов показывают, как гибнет и распадается личность под бременем свободы, не будучи сдерживаема высшей идеей, которая у Достоевского всегда связана с пониманием Бога. Самым ярким примером волевого решения следовать идеалу служит старец Зосима: после периода жизни, проведенного в кутеже и пороке, он, осознав, что мир прекрасен, что человек прекрасен, выходит и становится на новый путь — путь добра, любви, милосердия^[51].

Воля и свобода у Достоевского иррациональны, а потому направляемы: избрав благо, все порывы и стремления тут же стоит обратить к любви, любви деятельной, которая одна и может изменить мир.

Любовь

■ Любовь в произведениях Ф. Достоевского всеобъемлюща, она есть живая связь всякой души с другими и условие гармонии между людьми. В уста старца Зосимы он вкладывает мысль о том, что все — как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь — в другом конце мира

^[51] Братья Карамазовы. Роман у 2-х томах — К., 1994. — Том 1. — С. 323.

^[52] Там же. — С. 347.

^[53] «Зимние заметки о летних впечатлениях» — публицистический очерк Ф.М. Достоевского. Впервые был опубликован в журнале «Время», февраль-март, 1863 года.

отдается^[52]. Таким образом, можно увидеть, что в своем творчестве Ф. Достоевский вступает в конфликт с индивидуализмом — отделением личности от людей, семьи, народа, человечества, Бога, который был популярен в современной ему России. Человек с этой точки зрения рассматривался как самодостаточное бытие, расщепленное в самом себе. Жизнь должна строиться самостоятельно и только для себя, как некое самоуправное, отдельное начало, противопоставляемое всей природе и всему обществу. Все, что не имеет отношения ко мне, является для меня совершенно безразличным. Достоевский же считал иначе. За основу он принимал свободу и нравственную ответственность^[53]. О свободе мы говорили ранее, а что касается нравственной ответственности, то она не существует отдельно от идеи Бога, как Верховного Законодателя и исходит из движущей силы — любви.

Смысл любви у Достоевского гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. Она — не есть романтика, а отождествление себя с любимым человеком, которое возможно только через самопожертвование и растворение себя в нем^[54]. Любовь к личности является могучей силой, и, решив раз и навсегда действовать так — смиренную любовью — весь мир покорить сможешь, говорит старец Зосима^[55]. Однако, как бы в противовес любви всеобъемлющей, подлинной, все же обладая жадной любовью, человек заменяет ее любовью к жи-

^[54] Евлампиев И.И. История русской метафизики в 19-20 в. Русская философия в поисках абсолюта. Часть 1. — СПб., 2000. — С. 161.

^[55] Братья Карамазовы. Роман у 2-х томах. — К., 1994. — Том 1. — С. 346.

вотным^[56], или ко всему человечеству. Но не о такой любви повествует Ф. Достоевский, не такая любовь приведет человечество к гармонии. Такая любовь походит более на добродетель, нравственные порывы, исходящие из эгоистических побуждений. Достоевский же говорит об обоении, которое становится результатом любви, соединяющей человека со Христом^[57], о любви деятельной,

неудержимо и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою преходимость и конечность, и уже особенную, уже не прежнюю любовь. Они стали бы замечать и открыли бы в природе такие явления и тайны, каких и не предполагали прежде, ибо смотрели бы на природу новыми глазами, взглядом любовника на возлюбленную. Они просыпались бы и спешили бы целовать друг друга,

Нравственная ответственность не существует отдельно от идеи Бога как Верховного Законодателя, и исходит из движущей силы — любви. Смысл любви у Ф. Достоевского — это отождествление себя с любимым человеком, которое возможно только через самопожертвование и растворение себя в нем.

которая даже веру может родить^[58]. Христианство Ф. Достоевского — это, прежде всего, религия любви. Однако, в то же самое время, Ф. Достоевский в своих произведениях изображает и безбожные утопии братской любви, одна из которых звучит из уст Версилова:

«Осиротевшие люди тотчас же стали бы прижиматься друг к другу теснее и любовнее; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляют всё друг для друга. Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее; и весь великий избыток прежней любви к тому, который и был бессмертие, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь

торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это — всё, что у них остается. Они работали бы друг на друга, и каждый отдавал бы всем всё свое и тем одним был бы счастлив. Каждый ребенок знал бы и чувствовал, что всякий на земле — ему как отец и мать. «Пусть завтра последний день мой, — думал бы каждый, смотря на заходящее солнце, — но всё равно, я умру, но останутся все они, а после них дети их» — и эта мысль, что они останутся, всё так же любя и трепеща друг за друга, заменила бы мысль о загробной встрече»^[59].

Н. Бердяев называет эти рассуждения «фантастической утопией»^[60]. Но для Достоевского подобная утопия необходима, чтобы противопоставить ей истинную любовь, любовь в Боге.

[56] Лосский Н.О. Бог и мировое зло. — М.: Республика, 1994. — С. 13.

[57] Диво Барсотти. Достоевский. Христос — страсть жизни. М., 1999, — С. 195.

[58] Брати Карамозови. Роман у 2-х том. — К., 1994. — Том 1. — С. 62.

[59] Достоевский Ф.М.. Подросток: Роман. — Кишинев., 1986. — С. 433.

[60] Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2-х том. — Том 2. — М., 1994. — С. 85.

Такая любовь связана с бессмертием и открывает в него доступ. Для нее каждый человек называется братом во Христе, она являет и утверждает Богосыновство каждого человека на земле, образ и подобие Божье в каждом человеке. Достоевский проповедует две истинны: любовь к Богу и любовь к человеку, которая, по сути, возникает лишь благодаря тому, что есть Бог. Она необъяснима рационально, и потому постичь ее разумом невозможно. В борьбе Ивана Карамазова между верой и разумом он, склоняясь на сторону второго, говорит, что любить людей невозможно^[61]. Однако центральная мысль Ф. Достоевского все же неизменна — настоящая любовь есть, и тем, что она есть, провозглашается существование Бога и жизнь после смерти.

Заключение

■ Подняв тему зла и страданий, Ф.М. Достоевский, по сути, если суммировать его творчество, акцентировал внимание на волнующих его самого и его современников вопросах: страдания детей, социальная несправедливость и неравенство, дуализм человеческой природы и вечная борьба добра и зла в сердце человеческом. И если вести диалог в данной плоскости и не заострять внимание на более утонченных уровнях — происхождение зла, цель и назначение зла, природные катаклизмы; и подвести итог мыслям Ф. Достоевского, то великий писатель дал ответ на проблему страданий — отсутствие любви, нелюбовь каждого отдельно взятого индивидуума к окружающей его действительности. Именно к действительности, поскольку любовь Ф. Достоевского —

есть нечто большее чем любовь к ближнему (индивиду), его понимание любви простирается как на органический, так и не органический мир.

«Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле. Любите всё создание божие, и целое и каждую песчинку, каждый листик, каждый луч божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь — и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды — и уже неустанно начнешь ее познавать всё далее и более, на всяк день. И полюбишь, наконец, весь мир уже всецелою, всемирною любовью. Пред иною мыслью станешь в недоумении, особенно видя грех людей, и спросишь себя: «Взять ли силой али смиренною любовью?» Всегда решай: «Возьму смиренною любовью». Решишься так раз навсегда — и весь мир покорить можешь. Смирение любовное — страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего»^[62].

Предвидя попытки социалистов построить рай на земле, бросая при этом на попрание человеческую свободу, Ф. Достоевский очень чутко и остро осознал последствия подобного рода умонастроений, выразив это в словах Шатова: «...выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом», т. е., господством избранного меньшинства над массами. Но Ф. Достоевский верит в человека, он предлагает называть зло — злом, и при этом осознавать, что частично и мы все виноваты в том, что происходит, а в результате проявить даже к самому закоренелому преступнику

^[61] Брати Карамазови. Роман у 2-х томах — К., 1994. — Том 1. — С. 256.

^[62] Брати Карамазови. Роман у 2 Т. — К., 1994.

сострадание, которое может, преобразить самые мрачные элементы. Человечек грешит и плох лишь потому, что он не знает, насколько он хорош. Знал бы он это, — в тот же миг лучше стал. Эта же действенная любовь есть прямое доказательство бытия Божия. В уста старца Зосимы он вкладывает следующие слова: «Любовь же деятельная — это работа и выдержка, а для иных так, пожалуй, целая наука.

Литература

- Бердяев Н.А. Сочинения / Н.А. Бердяев — М.: Раритет, 1994. — 416 с.
- Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства / Н.А. Бердяев Т. 2. В 2-х т. М.: Искусство, 1994. — 510 с.
- Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря / Н.А. Бердяев — М.: Республика, 1995. — 383 с.
- Бердяев Н.А.. О рабстве и свободе человека / Н.А. Бердяев — М.: Хранитель, 2006. — 316 с.
- Бідні люди. Неточка Незванова. Білі ночі. Нотатки з мертвого будинку. Романи. — К.: БМП «Борисфен», 1994. — 592 с.
- Біси: Роман в трьох частинах. — К.: БМП «Борисфен», 1994. — 640 с.
- Богомыслие. Альманах. Одесса.: ОБС — 2000. 288 с.
- Брати Карамазови: Роман у 2-х т. — К.: БМП «Борисфен», 1994. — Т. 1. — 480 с.
- Вопросы философии. Научно — теоретический журнал. — М.: Правда, 1999, №1. — 192 с.
- Диво Барсотти. Достоевский. Христос — страсть жизни / Барсотти Диво — М.: Палине, 1999. — 247 с.
- Достоевский Ф.М. Подросток: Роман. — Кишинев: Лит. Артистикэ, 1986. — 544 с.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. — Т 8. — Ленинград: Наука, 1973. — 509 с.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. — М.: Адепт, 2000.
- Дунаев М.М. Православие и русская литература / М.М. Дунаев — Ф.М. Достоевский. — М.: — Издательство храма святой мученицы Татианы, 2002. — 176 с.
- Евлампович И.И. История русской метафизики в 19-20 в. Русская философия в поисках абсолюта / И.И. Евлампович — Часть 1. — СПб.: Алетейя, 2000. — 415 с.
- Злочин і кара. Роман. — К.: — БМП «Борисфен», 1994. — 507 с.
- Но предрекаю, что в ту даже самую минуту, когда вы будете с ужасом смотреть на то, что, несмотря на все ваши усилия, вы не только не подвинулись к цели, но даже как бы от нее удалились, — в ту самую минуту, предрекаю вам это, вы вдруг и достигнете цели и узрите ясно над собою чудодейственную силу Господа, вас всё время любившего и всё время таинственно руководившего».
- Кочиянчич Горазд. Введение в христианскую философию. — СПб.: Алетейя; ТО Ступени, 2009. — 381 с.
- Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / Р. Лаут. Пер. с нем. И.С. Андреевой. — М.: Республика, 1995. — 447 с.
- Лосский Н.О. Бог и мировое зло / Н.О. Лосский — М.: Республика, 1994. — 432 с. — Библиотека этической мысли
- Лосский Н.О.. Бог и мировое зло/Н.О. Лосский — М.: Республика, 1994. — 432 с.
- Лосский Н.О. Избранное / Н.О. Лосский — М.: Правда, 1991. — 622 с.
- Н.А. Бердяев. Философия свободного духа. — М.: Республика, 1994. — 480 с.
- Новая Европа. Международное обозрение культуры и религии. — М.: Христианская Россия, 1996. — № 8. — 142 с.
- Норман Л. Гайслер. Энциклопедия Христианской апологетики / Норман Л. Гайслер — СПб.: 2004 — Библия для всех, — с. 1184
- Педагогика. Научно — теоретический журнал. — М.: Педагогика, 2001. — № 6.
- Русские философы: Антология. Вып.2. — М.: «Кн. Палата», 1994. — 424 с.
- Соловьев В.С. Сочинения / В.С. Соловьев — М.: «Раритет», 1994. — стр. 316. — (Библиотека духовного возрождения)
- Страницы. ББИ — 2003. Т. 8. — № 3.
- Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Е.Н.Трубецкой — М.: Республика, 1994. — 432 с.
- Франк С. Л. Непостижимое / С.Л. Франк — М.: Правда, 1990. — 576 с.
- Франк С.Л. Духовные основы общества/С.Л. Франк — М.: Республика, 1992. — 407 с.
- Франк С.Л. Реальность и человек / С.Л. Франк — М.: Республика, 1997. — 479 с.
- Шестов Л. Сочинения / Л.Шестов — М.: Раритет, 1995. — 431 с.